

Оригинальная статья

УДК 316

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-123-132>

Теория М. Вебера как методология социологического анализа некоторых аспектов внешней политики современного Китая

Наталья Борисовна Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
npomozova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>*

Введение. Многовекторное усиление Китая обуславливает оживленную международную мультидисциплинарную научно-экспертную дискуссию. В данной статье рассматриваются возможности применения методологии, разработанной М. Вебером, к анализу современной внешней политики Китая и оспаривается актуальность идеи ученого о доминировании Западной цивилизации благодаря воздействию религиозного фактора (протестантства) на социально-экономическое развитие. Несмотря на то, что исследования М. Вебера были опубликованы более ста лет назад, его подходы при соотнесении их с современными реалиями не теряют актуальности и сегодня.

Методология и источники. Основу исследования составляет методология, предложенная М. Вебером, и ее потенциал для анализа современной внешней политики КНР.

Результаты и обсуждение. Китай, влияние конфуцианства на внешнюю политику которого усилилось с приходом к власти Си Цзиньпина, демонстрирует стремление к легально-харизматическому типу господства (по М. Веберу), а в качестве одного из инструментов по обеспечению легитимности своему господству использует социалистические ценности, сформулированные в 2012 г. Стремление же к рационализации (по М. Веберу) находит отражение в том числе в приоритете технологического развития КНР, разработке и внедрении искусственного интеллекта как ее, рациональности, чистой формы в современном понимании.

Заключение. Анализ потенциала методологии М. Вебера применительно к социологическому исследованию особенностей внешнеполитической стратегии КНР показал, что в осуществлении международной политики Китаю присуще тяготение к легально-харизматическому господству (по М. Веберу), наделенному рациональным характером, и обладанию тремя типами рационализации. При этом одним из инструментов по обеспечению легитимности господства выступают сердцевинные социалистические ценности.

Ключевые слова: М. Вебер, социология политики, Китай, рациональность, внешняя политика

Для цитирования: Помозова Н. Б. Теория М. Вебера как методология социологического анализа некоторых аспектов внешней политики современного Китая // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 123–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-123-132.

Помозова Н. Б., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Теория М. Вебера как методология социологического анализа некоторых аспектов внешней политики
современного Китая

The Theory of Max Weber as a Methodology of Sociological Analysis for Understanding the Foreign Policy of Modern China

The Theory of Max Weber as a Methodology of Sociological Analysis for Understanding the Foreign Policy of Modern China

Natalia B. Pomozova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
npomozova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>*

Introduction. The multi-vector strengthening of China leads to a lively international expert discussion. This article examines the possibilities of applying the methodology developed by M. Weber to the analysis of modern Chinese foreign policy. Despite the fact that M. Weber's studies were published more than a hundred years ago, his approaches, when correlated with modern realities, do not lose their relevance today.

Methodology and sources. The research is based on the methodology proposed by M. Weber and its potential for analysis of the modern foreign policy of the PRC.

Results and discussion. The influence of Confucianism on China's foreign policy increased with the coming to power of Xi Jinping. So, China demonstrates a desire for a legal-charismatic type of domination (according to M. Weber), subordinating its will to other actors of international relations, and as one of the tools to ensure legitimacy to its domination uses the socialist values formulated in 2012. The desire for rationalization (according to M. Weber) is reflected, among other things, in the priority of the technological development of the PRC, the development and implementation of artificial intelligence as its (rationality) pure form in the modern sense.

Conclusion. Analysis of the potential of M. Weber's methodology in relation to sociological research peculiarities of the PRC's foreign policy strategy shows that in the implementation of international policy China is inherently gravitating towards legal-charismatic domination (according to M. Weber), endowed with a rational character and possessing three types of rationalization. At the same time core socialist values are one of the tools to ensure the legitimacy of domination.

Keywords: M. Weber, sociology of politics, China, rationality, foreign policy

For citation: Pomozova, N.B. (2022), "The Theory of Max Weber as a Methodology of Sociological Analysis for Understanding the Foreign Policy of Modern China", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 123–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-123-132 (Russia).

Введение. Метаподход понимающей социологии и методология, разработанная М. Вебером, занимают важное место в непрекращающейся научной дискуссии об их многомерности и возможностях для исследования современных социальных практик. Н. Н. Зарубина отмечает, что «к наследию М. Вебера следует подходить с оптикой проблем, которые ставило перед ним его время, учитывать его “интерес эпохи”... Веберовский анализ предпосылок генезиса капитализма на Западе, в Индии, в Китае отвечал на вопросы, которые стояли в начале XX в., поэтому в трудах немецкого социолога не следует искать прямые ответы на проблемы сегодняшнего дня» [1, с. 4]. Данное утверждение отнюдь не нивелирует значимость теории, предложенной М. Вебером, а лишь указывает на необходимость ее актуализации – рефлексии и осмысления с учетом изменившихся и продолжающих непрерывно меняться социальных условий и обстоятельств. Именно с этой позиции в статье предпринимается попытка рассмотреть, в какой степени методология, предложенная немецким

социологом на рубеже XIX–XX вв., применима к социологическому анализу внешней политики современного Китая.

Методология и источники. Попытки актуализации теоретических подходов М. Вебера уже были предприняты многими западными учеными (Р. Бендиксом, Р. Коллинзом, С. Липсетом, М. Манном, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, Ю. Хабермасом и др.), а его обоснование специфики социально-экономического развития Китая активно изучается в том числе современными китайскими исследователями. Основу же данного анализа составил методологический подход, предложенный М. Вебером, для изучения социально-экономического развития применительно к современным внешнеполитическим реалиям КНР.

Результаты и обсуждение.

Влияние политико-религиозного фактора на формирование внешней политики КНР. Главной задачей «Хозяйственной этики мировых религий» М. Вебер определил обоснование феномена экономического возвышения Европы и политического доминирования Западной цивилизации через призму влияния религиозного фактора на социально-экономическую организацию. Первая часть этого масштабного исследования, «Конфуцианство и даосизм», несмотря на то, что она была написана ученым в начале XX в. и в условиях ограниченных научных ресурсов, не потеряла актуальности и содержит в себе теорию, которая может быть применена для социологического анализа современных реалий Китая.

По мнению О. В. Кильдюшова, в интеллектуальных построениях многих европейских мыслителей XVIII–XX вв. Китай выполнял специфическую функцию радикального Другого [2]. В трудах М. Вебера, научный интерес которого был прежде всего ориентирован на исследование европейских реалий, Китай в целом и конфуцианство в частности как раз выступают этим самым «радикально Другим» по сравнению с Европой и ее религиями.

Давая обоснование стремительному развитию капитализма в Европе, происходившему на его глазах в XIX – начале XX вв., и сравнивая европейское социально-экономическое развитие с китайским, ученый фактически абсолютизирует влияние ценностно-религиозного фактора протестантизма и конфуцианства на эти процессы: «Рационализм» был характерен для духа обеих этик... Но только надмирно ориентированная пуританская рациональная этика привела к возникновению мирского экономического рационализма, причем именно потому, что сам мирской труд ее совершенно не интересовал, а лишь выражал стремление к трансцендентной цели... Конфуцианский рационализм означал рациональное приспособление к миру, а пуританский – рациональное овладение миром» [3, с. 396]. Однако, актуализируя подход М. Вебера и соглашаясь с тезисом о том, что рациональное начало пронизывает конфуцианское учение, которое продолжает оказывать влияние на многие аспекты политической, экономической, общественной жизни КНР, можно констатировать, что именно этика конфуцианства явилась предпосылкой к социально-экономическим трансформациям, произошедшим в Китае в 80–90-е гг. XX в. Она явилась почвой для создания экспериментальной модели так называемого социализма с китайской спецификой, достаточно успешно сочетающего в себе противоречивые элементы капиталистической и социалистической модели.

М. Вебер рассматривал конфуцианство не как религию в ее традиционном понимании, а как ориентированный на «посюстороннюю» практику рационализм, так называемую «политическую религию». Эта «политическая религия» не оперирует трансцендентными

категориями спасения, греха, лучшей потусторонней жизни и даже зла и поэтому не может считаться полноценным религиозным учением. Зажиточность и материальное благосостояние выступают в конфуцианстве основой соблюдения моральных принципов, в чем Вебер видит причину стремления китайцев к обогащению как национальной черты. Ученый указывает на различие в отношении к «своим» и «чужим» на примере родственных связей, взаимоотношения в рамках которых регламентированы особыми нормами, в том числе и в плоскости стремления к материальному обогащению: «Если пуританство объективизировало и превращало все в рациональное предприятие, то общинные действия Китая были обусловлены чисто личными, прежде всего, родственными связями» [4, р. 241]. Среди других отличительных особенностей конфуцианства как «политической религии» М. Вебер выделяет отсутствие системы правосудия, гарантий прав собственности, осуществление поддержания социального порядка посредством приверженности к традиционализму, что стало возможным благодаря тому, что политическая элита получала как раз традиционное образование, основанное на социальном учении Конфуция.

В целом, конфуцианство, очевидно, оказало значительное влияние на идеи М. Вебера. Так, например, иерархия и дисциплина, свойственные древней культуре Китая, признаются немецким ученым в качестве важнейших составляющих успеха [5]. В современном Китае конфуцианство продолжает накладывать отпечаток не только на социальные процессы внутри страны, но и на ее внешнюю политику, причем это влияние заметно усилилось с приходом к власти в 2013 г. Председателя КНР Си Цзиньпина, апелляции к изречениям Конфуция которого и конфуцианский стиль риторики, предполагающий перечисление принципов «в одно слово», являются тому подтверждением. Что же касается основных современных внешнеполитических концепций Китая (Сообщество единой судьбы человечества, «Один пояс, один путь», «мирное развитие» и пр.), они представляют собой рефлексивный синтез западной философской, социологической и традиционной китайской мысли [6, с. 76–89].

Легитимация господства международной политики КНР. Теория М. Вебера предлагает социологическую типологию управления, согласно которой существуют три типа господства – легальное, традиционное и харизматическое. Легальное господство наделено рациональным характером, т. е. исходя из рациональных соображений подчиняющийся субъект верит в легальное право на управление на основании установленных порядков. Традиционное господство основывается на вере в священность традиций и легитимность того, кто на их основе осуществляет господство. В центре харизматического господства находится лидер, чьи выдающиеся личные качества вселяют веру в него как в субъекта, осуществляющего господство, и в те порядки, которые он устанавливает [7, с. 35]. При этом ученый отмечает, что данная типология является лишь инструментом исследования и анализа и не наблюдается в чистом виде. Для различных ситуаций характерны смешанные типы господства либо тяготение (стремление) к тому или иному типу. Под господством Вебер понимает желание получить повиновение любому приказу у определенной группы лиц. Господство при этом не регламентировано шансом применить власть или влияние к другим, так как может опираться на различные мотивы покорности – от обыкновенной привычки до рациональных соображений [Там же]. Политику же М. Вебер определяет как «стремления

влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них» [8, с. 652]. Переноса данный подход на макроуровень, под политическими образованиями нужно понимать государства, вступающие во взаимодействие друг с другом, в процессе которого некоторые из них стремятся к господству над другими.

Методологию М. Вебера можно применить и к исследованию современной внешней политики Китая. Власть, согласно взглядам ученого, представляет собой главную содержательную составляющую политики. Так в странах Запада распространен подход, согласно которому действия Китая на международной арене, риторика его руководства, глобальные концепции и пр., рассматриваются как направленные в конечном счете на обладание властью, осуществление господства и управления другими государствами, подчинения их своей воле. Таким образом, вместо «приказа» выступают политические или другие интересы Китая, а вместо «группы лиц» – государства или группы государств. Определяя разновидность господства, в случае с Китаем целесообразно говорить о стремлении к сочетанию элементов легального и харизматического типов господства.

М. Вебер выделяет три типа политиков: «по случаю», «по совместительству» и «преимущественно профессиональных политиков», которые либо живут для политики и при этом независимы от заработка и работают ради реализации собственных убеждений, либо живут за счет политики, если нуждаются в деньгах. Си Цзиньпин, будучи харизматическим лидером, явно относится к первому типу. По М. Веберу, он обладает качествами, необходимыми для профессионального политика (интеллект, высокий уровень образованности), он способен завоевывать общественное мнение при помощи слова, демагогии, причем согласно теории М. Вебера это характерно для любого типа государственного устройства.

Внешнеполитическая риторика ориентирована на завоевание симпатий международного сообщества – не только политиков, но и иностранцев в целом, поскольку внешнеполитические задачи Китая в основном не сиюминутны, а имеют долгосрочную перспективу, превышающую срок нахождения у власти отдельных руководителей государств. М. Вебер полагает, что для достижения поставленных целей политик должен владеть искусством демагогии, т. е. убеждения, однако при этом главную роль играют не только страсть (политику не должно быть чуждо это чувство, с которым ему следует отдаваться профессии) и глазомер (способность трезво оценивать реальное положение дел), но и ответственность. При этом любое дело политика может обладать либо этикой ответственности, либо этикой демагогии, убеждения. «Исповедующий этику убеждения чувствует себя ответственным лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова – вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример» [Там же, с. 697]. Си Цзиньпин регулярно говорит о несправедливости «старого мирового порядка» и о том, что Китай будет и дальше продвигать «новый тип международных отношений», отстаивая принципы «мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды» [9]. В своих частых выступлениях, выдержанных в подобной риторике, в демагогии, обращенной к мировому сообществу, Си Цзиньпин также подчеркивает и ответственность, которую Китай готов нести перед другими странами, уходя таким образом от веберовского «пламени чистого убеждения»: «Большие страны должны вести себя в соответствии со своим статусом и бóльшим чувством ответственности» [Там же].

Помимо создания харизматической компоненты внешней политики Китая, которую обеспечивают как сам лидер КНР, так и непрекращающиеся попытки по созданию привлекательного образа страны в глазах зарубежных партнеров, в целом (в том числе посредством инструментов «мягкой силы», например, институтов Конфуция) страна явно нацелена на обеспечение господства легального – такого, при котором другие страны не просто бы верили в право лидерства Китая, но и находили в этом свои рациональные выгоды. На обеспечение такого типа господства, в частности, направлены инициатива «Один пояс, один путь», инвестиции, инфраструктурные проекты, которые Китай реализует за рубежом, гуманитарная помощь во время пандемии COVID-19 и пр.

Т. А. Алексеева утверждает, что, по Веберу, общая мировая тенденция ведет к преобладанию системы рационально-легального авторитета. Авторитет в таких случаях обосновывается рационально, проистекая из легальных правил и законов. Рациональность господства основывается на вере в легальность законов и права на управление со стороны тех, кто осуществляет господство [10, с. 152]. Поправки, внесенные в Конституцию КНР в 2018 г., в том числе касающиеся возможности Председателя КНР находиться у власти неограниченный срок, внесение имени Си Цзиньпина в документ, указывают на желание пятого поколения китайских руководителей рационализировать свое господство, закрепив веру населения страны в его легальность.

Господство, согласно теории М. Вебера, для того, чтобы оно было эффективным, должно обладать таким качеством, как вера в легитимность. Другими словами, применительно к внешней политике Китая речь идет о том, что другие государства должны верить в то, что КНР справедливо, законно, легитимно принадлежит управляющая роль. Ученый подчеркивает, что «легитимность» господства может рассматриваться только как шанс, т. е. присутствует в относительной степени [7, с. 33].

Одним из средств обеспечения шанса на легитимность выступают современные ценности Китая, сформулированные в 2012 г. По мнению Чжэн Юннэня, западная интерпретация азиатских ценностей была направлена на то, чтобы объяснить отсталость Азии по сравнению с Европой. В качестве примеров такой интерпретации он приводит сравнение мировых религий М. Вебера и «азиатский способ производства» К. Маркса [11]. Западные ценности, которые США и Европа пытаются предложить в качестве универсальных, воспринимаются в Китае как атрибут сильного государства или даже сверхдержавы. В отчетном докладе на XVIII съезде ЦК КПК была представлена китайская версия – двенадцать «сердцевинных социалистических ценностных воззрений». Они делятся на три группы – от общего к частному, от государства к человеку – и как будто зеркально противопоставлены либеральной идее, в центре которой находятся человек и его свободы. На вершине ценностной пирамиды стоит богатое и сильное демократическое, цивилизованное, гармоничное государство. Затем – свободное, справедливое, правовое общество с равными возможностями для всех. И, наконец, патриотичный, преданный своему делу, честный и дружественный человек. Некоторые ценности (свобода, правовое общество) совпадают с западными, однако в Китае речь идет об их трактовке с опорой на марксизм и традиционные учения. Хотя «сердцевинные социалистические ценностные воззрения», на первый взгляд, адресованы китайской внутренней аудитории, их распространение в той или иной форме последовательно осуществляется Си Цзиньпином на международных площадках. В речах китайских руководителей

нередко можно услышать противопоставление этих ценностей размытым и даже откровенно ложным западным. Очевидно, это делается для того, чтобы зарубежные страны испытали симпатии к Китаю, который таким образом обеспечит себе признание руководящих позиций на международной арене и легитимность (по М. Веберу).

Рационализация как основной принцип современной внешней политики Китая. Понятие «рационализации» как комплексного и противоречивого процесса наделения смыслом повседневной реальности посредством ее упорядочения по отношению к формальным, ценностным и целевым ориентирам М. Вебер наделяет универсальным значением для анализа исторических процессов.

Ученый выделяет четыре типа рационализации: практический, предполагающий целесообразность регулярных действий; теоретический, при котором формулируются абстрактные понятия; материальный, направленный на реализацию ценностей в качестве цели регулярных практик; формальный, основанный на подчинении универсальным правилам и законам. Говоря о международной политике КНР, можно констатировать стремление ее руководства сразу к нескольким типам рационализации. Формулирование и внедрение глобальных концепций, предлагаемых миру в качестве новых принципов порядка, представляет собой пример теоретической рационализации; признание легитимности наднациональных институтов (в первую очередь ООН) указывает на приверженность формальному типу рациональности. Примеров нацеленности на практический тип рационализации внешней политики можно привести множество – от регулярных попыток вести диалог со странами в плоскости экономического сотрудничества, вынося за скобки политические разногласия, до открытых высказываний МИД КНР о намерении выстраивать конструктивные отношения с пришедшим к власти в Афганистане движением Талибан [12]. Таким образом, можно говорить о стремлении пятого поколения китайских руководителей к наделению внешней политики страны по крайней мере тремя типами рациональности – формальным, теоретическим и практическим. Что же касается материального типа рациональности, пока сложно утверждать об истинном намерении Китая реализовывать свою международную политику в соответствии с теми ценностями (зачастую основанными на традиционном конфуцианском учении), которые КНР транслирует миру, и тем более воспринимать их в качестве целей политических практик Китая.

Понимая под рациональностью логику целенаправленных действий, М. Вебер использует ее для того, чтобы обосновать, почему капитализм, наиболее прогрессивная общественно-экономическая система, мог появиться только на Западе под влиянием протестантизма, а в Китае, где «политической религией» было конфуцианство, этого произойти не могло. Применяя теорию М. Вебера к современным реалиям, можно сделать вывод, что данный ее тезис не вполне актуален. Во-первых, капитализм далеко не универсальная форма социально-экономического устройства, которую можно было бы считать оптимальной для любой страны. Во-вторых, опыт КНР, на развитие которого продолжает оказывать влияние конфуцианство, демонстрирует возможность вполне успешного функционирования других практик, в данном случае – так называемого социализма с китайской спецификой, сочетающего в себе элементы различных социальных, экономических и культурных структур (по Э. Гидденсу).

Ю. Хабермас отмечает, что «теория Вебера охватывает религиозную и общественную рационализацию, то есть, с одной стороны, универсально-историческое возникновение современных структур сознания, с другой стороны – воплощение этих структур рациональности в общественных институтах» [13, с. 43]. Рациональность – главная черта, определяющая социальное действие, которое должно иметь цель и желание ее достичь.

Применение теории М. Вебера к анализу современной внешней политики Китая позволяет сделать следующие выводы:

- потенциал методологии М. Вебера до конца не раскрыт, так, она может быть использована и в макросоциологии, в том числе для изучения международных отношений и внешней политики государств, однако при этом следует соотносить ее теоретические положения с современными реалиями;

- вопреки веберовскому пониманию капитализма и демократии как наиболее рациональных форм развития общества, современный Китай демонстрирует возможность формирования других социально-экономических и политических моделей, не лишенных тем не менее рациональности;

- применение методологии М. Вебера к анализу современных реалий показало, что, несмотря на то, что ученый, сравнивая этику протестантства и конфуцианства, наделял их обеих рациональными чертами, потенциал конфуцианства как предпосылки формирования и развития экспериментальной формы рационального социально-экономического развития был им недооценен;

- в международной политике Китаю присуще тяготение к легально-харизматическому господству (по М. Веберу), наделенному рациональным характером. При таком типе господства КНР могла бы оказаться в ситуации, когда государства, исходя из собственных рациональных соображений, будут ей подчиняться (то, к чему так часто апеллируют западные политики, предупреждая об опасностях тесного сотрудничества с Китаем). Олицетворением же харизматической составляющей является руководитель внешней политики Пекина, Председатель КНР, Си Цзиньпин, который благодаря личным качествам, а также демагогии и декларируемой ответственности, способен формировать ценности для международного сообщества;

- одним из инструментов по обеспечению эффективного господства, его легитимности, выступают сердцевинные социалистические ценностные воззрения, которые, хотя пока и не претендуют на универсальность, в том или ином виде регулярно внедряются руководством Китая в международный дискурс;

- внешняя политика Китая стремится к обладанию как минимум тремя типами рационализации – формальным, теоретическим и практическим, что не исключает влияния на нее конфуцианства, усилившегося с приходом к власти Си Цзиньпина;

- стремление к рациональности как внутренней, так и внешней политики Китая находит отражение в том числе в приоритете технологического развития, а именно мирового лидерства в области искусственного интеллекта как высшей формы рационального в его современном понимании.

Заключение. Говоря о современном Китае, веберовский подход к рациональности может быть применен как к внутренней, так и к внешней политике, одним из приоритетов которой является борьба за технологическое лидерство, в том числе разработку и внедрение искус-

ственного интеллекта, государственный план в области развития которого предполагает к 2030 г. мировое лидерство Китая в этой отрасли [14]. Искусственный интеллект же сам по себе можно отнести к высшей форме рациональности, исключая субъекта как такового. Очевиден также значительный потенциал теории М. Вебера для социологического анализа на макроуровне, в том числе для изучения международных отношений и внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарубина Н. Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социол. исслед. 2020. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3.
2. Кильдюшов О. В. Китай в оптике исторической макросоциологии Макса Вебера // Самопознание: информационный бюллетень форума «Бердяевские чтения». 2015. № 4. С. 16–19.
3. Вебер М. Конфуцианство и даосизм. Хозяйственная этика мировых религий / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль, 2017.
4. Weber M. The Religion of China / transl. and ed. by Hans H. Gerth. Glencoe, IL: The Free Press, 1968.
5. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2003. С. 107–299.
6. Помозова Н. Б. «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88.
7. Вебер М. Типы господства / пер. с нем. А. Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 31–47.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
9. Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at the opening ceremony of the Boao Forum for Asia Annual Conference 2021 // Xinhua. 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-04/20/c_139893137.htm (дата обращения: 19.08.2021).
10. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения: 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2018.
11. Zheng Yongnian. The rise of Asia and Asian values // Lianhe Zaobao. 31.03.2015. P. 20.
12. Wang Yi Meets with Head of the Afghan Taliban Political Commission Mullah Abdul Ghani Baradar // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1895950.shtml (дата обращения: 19.08.2021).
13. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера / пер. с нем. Т. Тягуновой // Социол. обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 37–60.
14. План развития искусственного интеллекта нового поколения. 2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 19.08.2021).

Информация об авторе.

Помозова Наталья Борисовна – кандидат социологических наук (2012), доцент кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики, международные отношения, российско-китайские отношения.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.10.2021; принята после рецензирования 12.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.

REFERENCES

1. Zarubina, N.N. (2020), "The Theory of Rationalization of Max Weber as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3.
2. Kil'dyushov, O.V. (2015), "China in the Optics of Max Weber's Historical Macrosociology", *Samopoznanie: informatsionnyi byulleten' foruma «Berdyayevskie chteniya»* [Self-knowledge: information bulletin of the forum "Berdyayevskie readings"], no. 4, pp. 16–19.
3. Weber, M. (2017), *Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Vergleichende Religionssoziologische Versuche: Konfuzianismus und Taoismus*, Transl. by Kil'dyushov, O.V., Vladimir Dal', SPb., RUS.
4. Weber, M. (1968), *The Religion of China*, Transl. and ed. by Gerth, H.H., The Free Press, Glencoe, IL, USA.
5. Weber, M. (2003), "Parlament und Regierung in Neugeordneten Deutschland", *Gesammelte Politische Schriften 1895–1919*, Transl. by Skuratov, B.M., Praxis, Moscow, RUS.
6. Pomozova, N.B. (2019), "Community of common destiny": the evolution of the foreign policy concept of China (the late 1990s – present time)", *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Political Science. History. International Relations*, no. 2, pp. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88.
7. Weber, M. (2008), "Wirtschaft und Gesellschaft", Transl. by Rakhmanov, A.B., *Personality. Culture. Society*, iss. 1 (40), pp. 31–47.
8. Weber, M. (1990), "Politik als Beruf", *Gesammelte Politische Schriften*, Transl. by Filippov, A.F. and Gaidenko, P.P., Progress, Moscow, USSR, pp. 644–706.
9. "Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at the opening ceremony of the Boao Forum for Asia Annual Conference 2021" (2021), *XinhuaNet*, available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-04/20/c_139893137.htm (accessed 19.08.2021).
10. Alekseeva, T.A. (2018), *Sovremennaya politicheskaya mysl' (XX–XXI vv.): Politicheskaya teoriya i mezhduna-rodnye otnosheniya* [Modern political thought (XX–XXI centuries): Political theory and international relations], 2nd ed., Aspect Press, Moscow, RUS.
11. Zheng, Yongnian (2015), "The rise of Asia and Asian values", *Lianhe Zaobao*, 31.03.2015, p. 20.
12. "Wang Yi Meets with Head of the Afghan Taliban Political Commission Mullah Abdul Ghani Baradar", *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*, available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1895950.shtml (accessed 19.08.2021).
13. Habermas, J. (2009), "Max Weber's theory of rationalization", Transl. by Tyagunova, T., *Russian Sociological Review*, vol. 8, no. 3, pp. 37–60.
14. *Guowuyuan guanyu yinfa xin yidai rengong guihua de tongzhi* [New Generation Artificial Intelligence Development Plan] (2017), available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed 19.08.2021).

Information about the author.

Natalia B. Pomozova – Can. Sci. (Sociology) (2012), Associate Professor at the Department of Contemporary East, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow 125993, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, international relations, Russian-Chinese relations.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.10.2021; adopted after review 12.11.2021; published online 24.02.2022.*